

несколько лет она заболела и умерла. Никто не проявлял еще так явно своего жестокого горя, как он; не довольствуясь тем, что у него был портрет жены, где она была изображена во весь рост, он велел написать ее в гробу; он пожелал заказать с нее восковой слепок. Однако, поскольку, лицемерие этих портретов лишь растревало его горе, глядеть на них стало для него невыносимым; он велел повернуть большой портрет лицом к стене и поставить его вверх ногами. Этого показалось ему недостаточно; он велел отнести портрет к хорошему художнику, находившемуся в ту пору в Марселе, и заставил его, несмотря на все его возражения, замазать на портрете лицо. Через некоторое время его сильное горе стало постепенно затихать, и этот человек, который всегда ходил с опущенным взором, понемногу начал поднимать глаза от земли и однажды, возвращаясь домой, увидел стоящую в дверях красавицу, которая все же не была столь хороша, как его покойная жена. В Провансе хозяева почти все время свое проводят, стоя у дверей, даже гостей принимают у входа в дом, так что он постоянно видел эту девушку. Как-то он снова заходит к художнику и, взглянув на знакомое полотно, говорит: «Право же, досадно оставлять этот портрет в таком виде, как никак на нем есть и архитектура и пейзаж; надобно, пожалуй, написать здесь другое лицо». — «Воистину, — откликнулся художник, — чье же лицо сюда бы подошло?». — «Мне кажется, — сказал Бриклар, — сюда очень подошло бы лицо Герарды». То было имя молодой девушки. И в самом деле он велел написать ее лицо, и женился бы на ней, когда бы ее за него отдали; но по каким-то причинам это сочли неуместным.

Выжившие из ума старика

Некий прокурор Парламента, по имени Фортен, семидесятилетний вдовец, вздумал влюбиться в молодую девушку и, желая ей понравиться, стал носить серую бобровую шапку с золотой лентой и каждый день надевал сапоги с золочеными шпорами. Он и стихи сочинял; в одном из стихотворений он обращался к девушке так:

В Шатийоне на заре
Обвенчает нас юре.
В Бонне *,¹ потом поедем вместе:
Там вы будете на месте.

Она посмеялась над ним; а он умер, так и не излечившись от своего безумия, отошел в иной мир в своих высоких сапогах с золочеными шпорами. У него был сын, умерший от какого-то недуга в Риме. Еврей купил одно из его платьев, довольно примечательное. Какой-то другой француз, недавно приехавший туда, случайно приобрел его; остальные тамошние французы стали называть его «Покойный Фортен».

* В Бонне был у него дом.